

С. Г. Осьмачко

Православная самоидентификация населения современной Российской Федерации

В статье представлена общая характеристика православной религиозности населения Российской Федерации; определена религиозная ситуация как комплекс отношений в обществе по поводу религии. По мнению автора, в дополнение к этому, в определении религиозной ситуации следует ввести деятельность религиозных институтов и проявления религиозной идеологии; выделяются субъективный, институциональный и теологический уровни разрешения религиозной ситуации; показано воздействие на современную религиозную ситуацию в России ряда внешних и внутренних факторов; выделены наиболее характерные черты состояния современной религиозной ситуации в стране:

1) доминирующая в общественном сознании массовая положительная установка в отношении православия и РПЦ (отмечается парадоксальность ситуации, когда большинство населения доверяет РПЦ, считает себя православным, но не участвует в религиозных практиках);

2) преобладание православной самоидентификации у русского (русскоязычного) населения (отмечено, что следует различать собственно рост религиозности и укрепление институтов РПЦ; выделены качественные уровни православной самоидентификации; отмечается преобладание «внешней» религиозности, которой свойственны размытость, неясность, эклектичность, «вербальность»; охарактеризован феномен воцерковленности, выделены ее индикаторы и качественно-количественные характеристики);

3) признание необходимости придания РПЦ статуса официальной государственной церкви, имеющей право «идеологического контроля»;

4) негативное отношение к иным конфессиям.

Ключевые слова: религиозная ситуация, религиозность, религиозные практики, качественные уровни православной религиозности, воцерковленность, «православный народ».

S. G. Osmachko

Orthodox Self-Identification of the Population of the Modern Russian Federation

The general characteristic of the Orthodox religiousness of the population of the Russian Federation is presented in the article; the religious situation as a complex of relations in society concerning religion is defined; according to the author, in addition to it, it is necessary to enter the activity of religious institutes into definition of a religious situation and examples of religious ideology; subjective, institutional and theological levels of solutions of a religious situation are allocated; impact on the modern religious situation in Russia of a number of external and internal factors is shown; the most characteristic features of the statement of the modern religious situation in the country are marked out:

1) a mass positive idea dominating in public consciousness concerning the Orthodoxy and the Russian Orthodox Church (is noted a situation of paradoxicality when the majority of the population trust the Russian Orthodox Church, consider themselves Orthodox, but do not participate in religious practices);

2) prevalence of the Orthodox self-identification of the Russian (Russian-speaking) population (it is noted that it is necessary to distinguish the real growth of religiousness and strengthening of institutes of the Russian Orthodox Church; qualitative levels of the Orthodox self-identification are allocated; prevalence of "external" religiousness to which diffusiveness, ambiguity, eclecticism, "verbal" are typical; a churching phenomenon is characterized, its indicators and qualitative and quantitative characteristics are allocated);

3) recognition of necessity to give the Russian Orthodox Church the status of the official state church which has the right of "ideological control";

4) a negative attitude to other faiths.

Keywords: a religious situation, religiousness, religious practices, qualitative levels of the Orthodox religiousness, churching, "the Orthodox people".

В современной литературе много говорится о религиозном буме 1990-х гг. Ниже мы проанализируем изменение показателей религиозности в РФ за 20 лет религиозной свободы. Думается, их столь впечатляющий рост связан, в том числе, с тем, что в годы советского атеизма его агрессия была не столь эффективной, как принято счи-

тать. Уже «в конце 1980-х гг. появились исследования, выводы которых демонстрируют явную мифологичность тезиса об «обществе массового атеизма» в СССР [17, с. 28]. Думается, от радостных (и не очень) констатаций роста присутствия религии в современной общественной жизни

пора переходить к серьезному и вдумчивому изучению данного феномена.

Прежде всего, обратим внимание на некоторые *издержки «религиозного бума»*. По нашему мнению, *следует различать собственно рост религиозности и укрепление институтов Русской православной церкви (РПЦ)*. Заметим, что второе явно опережает первое, что вполне естественно после десятилетий безбожной и атеистической политики государства. Конечно же, перекос в сторону бюрократизации РПЦ не может не настораживать, но будем считать, что это болезнь роста.

Когда же мы обращаемся к теме роста религиозной самоидентификации граждан РФ, то нельзя не видеть ее определенной условности, относительности, связанной с тем, что это *самоидентификация слов, а не дел*, первичной определенности (не всегда сознательной), а не последовательной и осмысленной религиозной практики; к тому же обращение к религии у части населения предопределено *модой на религию и религиозное*.

Многие исследователи обращают внимание на значительные компоненты *рассудочного, прагматического отношения к религии*, когда в основе тяги к церкви лежат «расчет..., примитивные корыстные соображения, личная заинтересованность так называемого верующего в обеспечении для себя благополучия в загробной жизни, если таковая... все же существует» [1, с. 53]. Протоиерей Георгий (Митрофанов) в интервью газете «Кифа» с горечью заявил: «Россияне представляют себе Церковь как суррогат советской организации, которая наделяет их новой тоталитарной идеологией, замешанной на их политических, психологических, национальных комплексах, исполненной духа ненависти, духа недоверия к человеку как таковому. Перепуганные постсоветские обыватели находят в ней, как им кажется, тихую заводь, позволяющую стройными рядами идти теперь уже не в светлое коммунистическое будущее, а в Царство Небесное» [10, с. 298].

23 декабря 1906 г. В. О. Ключевский в своем дневнике о данной проблеме высказался следующим образом: «Что такое наше церковное богослужение? Ряд плохо инсценированных и еще хуже исполняемых оперно-исторических воспоминаний. Верующий приносит из дома в церковь купленную свечку и свое религиозное чувство, ставит первую перед иконой, а второе вкладывает в разыгрываемое перед ним вокаль-

но-костюмированное представление и, пережив нравственно-успокоительную минуту, возвращается домой. Затем до следующего праздничного дня он чужд церковной жизни; он – одинокий верующий. Встреча с соприхожанами в церкви – встреча знакомых на улице: никакого общения среди верующих не бывает в стенах храма. Здесь каждый проверяет только свою совесть своим же собственным настроением, а не совестью собрата во Христе. Он... ходит в храм, как в баню, чтобы смыть со своей совести сор, насевший на нее за неделю» [7, с. 357].

Настораживает в современном религиозном сознании и такая тенденция, как его «адогматичность», «аморфность и размытость», склонность россиян к нетрадиционным верованиям [4, с. 138]: в последнем случае речь идет об оккультизме, знахарстве, колдовстве, астрологии, вере в пришествие инопланетян, в метемпсихоз и мн. др., что свидетельствует и о живучести в сознании населения языческих фрагментов, и о неверном истолковании догматов и канонов традиционных религий. В результате реальное состояние массового религиозного сознания оказывается весьма далеким от канонического православного идеала (это также подтверждают данные многочисленных социологических опросов). Мы станем свидетелями распространения *внешней религиозности, которой свойственны размытость, неясность, эклектичность и пр.*

Вышеуказанная эклектичность религиозности россиян проявляется также в парадоксальном *сочетании всеобщего признания ценности православия с крайне низким уровнем осуществления религиозных практик* (количественные данные последнего показателя практически не изменились с советских времен). Число тех, кто соотносит себя с православной верой, составляет большинство населения РФ. Доля же реально воцерковленных не превышает нескольких процентов этого населения.

Все перечисленные издержки роста религиозности предполагают выделение *качественных уровней православной самоидентификации*. По нашему мнению, к ним относятся мировоззренческая, культурно-историческая и собственно религиозная (православная) самоидентификация. Рассмотрим их подробнее:

а) собственно религиозная самоидентификация граждан РФ. Речь идет о подлинных верующих, «церковном православном народе», который активно признает каноны православия и регулярно осуществляет религиозные практики;

б) *культурно-историческая самоидентификация*. В данном случае мы говорим о тех «почти верующих» (потенциально верующих), которые искренне соотносят свою личность с православием, но делают это больше по историко-культурному (или этническому) основанию. Такие люди «не столько верят в Бога, сколько хотят в него верить [2, с. 52]; их православность – не более чем «эвфемизм националистического» [6, с. 22] при отсутствии настоящей веры;

в) *мировоззренческая самоидентификация*, когда личность в онтологическом смысле признает наличие всеобщей причинности, неких высших идеальных сил как прообраза божественного, но реально остается далека от храма, не связывает себя с какой-либо религиозной системой вообще.

Обратим внимание на два первых уровня самоидентификации. Большинство современных православных выбирают культурно-исторический принцип соотнесения себя с религией, верой. Международные сравнительные социологические исследования, проведенные в 1996–1997 гг. во Франции, России, Бельгии и Эстонии, показали, что главная характеристика этой группы – «вербальная религиозность», а «подавляющее большинство верующих – неопиты, хотя и стремящиеся впитать в себя церковную культуру, но еще заметно отстающие от нее» [14, с. 109, 110].

80 % относящих себя к православию – это те, кто сделал православный внутренний выбор, но не реализовал его практически. Условно таких «верующих» можно определить как «православное болото». Именно из этой среды будут постепенно рекрутироваться истинно верующие православные. Патриарх Кирилл настойчиво подчеркивает, что в новых условиях РПЦ наконец-то имеет возможность заняться «самым главным» – воцерковлением населения; при этом, по его мнению, пора двигаться от «фольклорного восприятия православной веры» к ее настоящей, истинной сути [19, с. 16].

Процесс воцерковления затрудняется тем несомненным фактом, что в недавнем советском прошлом в стране проводилась официальная политика если не «искоренения русских национально-религиозных традиций», то их «поверхностного, искусственного стирания». В результате «до некоторой степени удалось лишить людей знания об основах веры, о нормах православного стиля жизни» [14, с. 109].

РПЦ стремится заполнить возникший вакуум веры, поэтому в церковных кругах считается неправильным не принимать во внимание чаяния пусть даже не совсем православных людей. Человек, который назвал себя православным, уже определил для себя некие ориентиры бытия; не принимать во внимание этот несомненно положительный потенциал истинного православия было бы нелепо и безответственно.

Здесь следует учитывать и то, что первичное православное самоопределение неопитов (а это – большинство населения страны) благотворно влияет на общую социально-политическую ситуацию. Выбор православия в анализируемой группе – это, конечно, выбор более мировоззренческий, нежели религиозный. В данном случае мы, несомненно, видим серьезную социальную мотивацию к самоорганизации (без чего, как известно, невозможно построение гражданского общества и пр.). В российской глубинке православный приход (храм, община и пр.) часто является «единственной формой самоорганизации граждан», ведь русский народ «растерял всякие навыки самоорганизации, и в религиозной сфере положение еще не самое плохое» [3, с. 38–39].

Один из парадоксов группы культурно-исторической самоидентификации заключается в следующем: любые социологические исследования выявляют в ней «довольно серьезное несоответствие общего числа верующих в Бога (44,5 %) с общим числом приверженцев определенных конфессий (60,7 %)» [11, с. 112]. Думается, столь высокие показатели как бы религиозности связаны, во-первых, с эклектизмом веропонимания «новых верующих», допускающим канонически неконкретный тип самоидентификации; во-вторых, религиозная самоидентификация в данном случае дополняется этнической, цивилизационной и пр., что расширяет социальную базу самоопределения. Последние два показателя в данный момент особо актуальны.

Наиболее интересный (хотя и самый малочисленный) отряд из вышеперечисленных – это воцерковленные. Прежде всего, важно понять, что с точки зрения социального функционирования представляет собой эта довольно замкнутая «православная каста» – является ли она источником возрождения «православного народа» или же выступает тщательно сохраняемым государственным заповедником, где в опоре на «сырых и убогих», на основе использования методик варваризации населения, выполняется задача под-

мены гражданской самоидентификации ее этно-религиозной версией.

Воцерковленность – это характеристика уровня личной религиозности, когда действительно верующий осуществляет все необходимые для данной конфессии религиозные практики (для православия это – с определенной периодичностью посещение храма, исповедь и причастие, чтение Нового Завета, молитва, соблюдение постов).

К воцерковленным православным прежде всего относятся:

- женщины предпенсионного возраста и старше (составляют около 80 % всей группы воцерковленных) с невысоким уровнем доходов и образованности;

- традиционно православные семьи;

- новопришедшие (те, кто потянулся к РПЦ, начиная с «оттепели», а также в условиях большей религиозной свободы с конца 1980-х гг.);

- маргиналы (представители низших слоев общества, для которых околоцерковное существование – условие выживания) [9, с. 56–57; 16, с. 18].

Количественно группа воцерковленных определяется весьма приблизительно: от 0,5 до 4,5 % населения [13, с. 47; 9, с. 250]. Можно предположить, что эта «крошечная и маргинальная группа» [18, с. 24] не вызывала (и не вызывает) массовых социальных симпатий. Предполагаем, что это связано с принципиальными различиями в векторах социальной реализации: большая часть населения вестернизирована (пусть не в сфере массового социального поведенческого стандарта, но наверняка – в сфере потребительских, аксиологических предпочтений), а воцерковленные внутренне и внешне архаизированы.

Складывается впечатление, что воцерковленные верующие постепенно кристаллизуются в некую достаточно замкнутую (ограниченную) социальную группу, которая, конечно, за последние 20 лет несколько выросла количественно, но все же представляет собой феномен всего лишь «восстанавливающейся низкой религиозности» [8, с. 34].

С одной стороны, православные верующие воцерковленного уровня – «это наиболее близкая каноническим институтам Церкви среда, которая в первую очередь запечатлевает соборный дух Церкви и из которой он распространяется в другие, более далекие от церковной сердцевины сферы общества» [5, с. 85]. С другой стороны, качества религиозности представителей этой

группы испытали на себе все атеистические деформации XX в. В 1996 г. было проведено социологическое исследование, ставившее своей целью выделить из общего количества православных «настоящих», то есть тех, кто одновременно положительно ответил на следующие вопросы:

- Верите ли Вы в Бога? (утвердительно ответили 47 % опрошенных верующих).

- Идентифицируете ли Вы себя как верующего? (33 %).

- Видите ли Вы в Боге личность, а не силу? (15 %).

- Часто ли Вы молитесь? (13 %) [15, с. 128]. Пересечение ответов дало в итоге суммарный количественный показатель – около 4 %.

Таким образом, вряд ли кто-то сможет игнорировать православную направленность большинства населения страны, поскольку это грозит серьезными социально-политическими ошибками. В то же время качество православной религиозности даже у воцерковленных хромает на обе ноги. Отсутствует точный критерий воцерковленности. В наиболее завершенном виде он предполагает

- сознательность в вопросах веры;

- регулярное посещение храма в воскресенье, каждый крупный церковный праздник и пр.;

- знание наизусть основных молитв и церковных догматических текстов;

- регулярное чтение Евангелия и религиозной литературы;

- отсутствие суеверий [3, с. 59–63].

Замечено, что по мере устроения критериев воцерковленности количество представителей этой группы начинает стремиться к нулю. Учитывая, что в России большинство относящих себя к верующим бывают в православном храме лишь дважды – на собственных крещении и отпевании, необходимо признать, что «мы живем в совершенно нехристианском государстве, в пока еще нехристианской стране, которая, может быть, и готова стать христианской, но путь этот очень непростой. И когда мы поймем, что в нашей стране активных христиан немного, тогда мы поймем, как говорить со всеми остальными» [8, с. 34].

Как же перейти от психологической склонности верить, отличающей большинство населения, к настоящей вере? В РПЦ отдают себе отчет, что решить задачу «чистого воцерковления» будет весьма непросто. Но кое-что делается: в 2011 г. обществу был представлен документ «О религи-

озно-образовательном и катехизисном служении в РПЦ», в котором, среди прочего, предусматриваются мероприятия религиозно-воспитательного характера в связи со значимыми для верующего акциями православного участия. Например, перед крещением люди старше 12 лет должны будут побеседовать со священником не менее 2 раз, изучить основы веры и пообещать, что «постараются больше не грешить»; при крещении ребенка беседы будут проводиться с родителями и крестными, которые также должны будут исповедаться и причаститься. Так же и к венчанию люди будут допускаться лишь после предварительной беседы.

«Беседы перед крещением, которые проводит священник, – это не его прихоть, а требование Закона Божьего», – разъяснил глава пресс-службы Московской Патриархии протоиерей Владимир Виглянский [12, с. 48].

Недоброжелатели, конечно, скажут, что ужесточение православной процедуры нужно РПЦ для повышения собираемости пожертвований и пр. Мы же обратим внимание на другое: остается открытым вопрос, *насколько самой РПЦ нужен (выгоден) процесс самопознания? Заметно, что ей гораздо удобнее оперировать массовыми показателями православной сориентированности, претендуя тем самым на доминирующую роль «церкви большинства», нежели проводить точные стратификации групп «истинно верующих».*

Библиографический список

1. Акопян, К. З. От религии к масскульту: логика метаморфозы [Текст] / К. З. Акопян // Философские науки. – 2000. – № 2. – С. 46–63.
2. Бузгалин, А. Церковь, общество и нравственность [Текст] / А. Бузгалин // Политический класс. – 2008. – № 8. – С. 51–65.
3. Виглянский, В. Н. Русская Православная Церковь: итоги двадцатилетия религиозной свободы [Текст] / В. Н. Виглянский // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 31–69.
4. Дубов, И. Г. Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам [Текст] / И. Г. Дубов // Полис. – 2001. – № 2. – С. 78–92.
5. Зоркальцев, В. И. Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции РПЦ [Текст] / В. И. Зоркальцев // Церковь и время. – 2001. – № 4. – С. 81–89.
6. Кантор, В. Модели и константы культуры в русской истории и современности (материалы конферен-

ции) [Текст] / В. Кантор // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 3–22.

7. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет [Текст] / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.

8. Кувалдин, С. В. окрестностях секулярного [Текст] / С. Кувалдин // Эксперт. – 2013. – № 1. – С. 28–34.

9. Митрохин, Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст] / Н. Митрохин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.

10. Можегов, В. Православная цивилизация под сталинской звездой. Обзор публикаций на религиозные темы [Текст] / В. Можегов // Континент. – 2009. – № 141. – С. 292–338.

11. Мчедлов, М. П. Религиозны ли молодые россияне? [Текст] / М. П. Мчедлов // Человек. – 2005. – № 6. – С. 111–118.

12. Обещаем не грешить? [Текст] // Аргументы и факты. – 2011. – 16–22 ноября. – № 46. – С. 48.

13. Павлов, И. Вера и перепись. Так сколько же православных в России [Текст] / И. Павлов // Итоги. 2001. – № 5. – С. 46–48.

14. Пейкова, З. Религиозный портрет студента [Текст] / З. Пейкова // Высшее образование в России. 1999. – № 5. – С. 109–115.

15. Рябых, Ю. А. Политические партии России и Русская православная церковь [Текст] / Ю. А. Рябых // Политика. – 2004. – № 1. – С. 124–148.

16. Синелина, Ю. Религия в современном мире [Текст] / Ю. Синелина // Эксперт. – 2013. – № 1. – С. 14–21.

17. Смирнов, М. Ю. Социология религии: Словарь [Текст] / М. Ю. Смирнов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 412 с.

18. Фурман, Д., Каарияйнен, К. Религиозная стабильность [Текст] / Д. Фурман, К. Каарияйнен // Свободная мысль – XXI. – 2003. – № 7. – С. 19–32.

19. «Церковь не может делать вид, что ничего не происходит» [Текст] // Новая газета. – 2011. – 29 июля. – С. 16.

Bibliograficheskij spisok

1. Akopyan, K. Z. Ot religii k masskul'tu: logika metamorfozy [Tekst] / K. Z. Akopyan // Filosofskie nauki. – 2000. – № 2. – S. 46–63.
2. Buzgalin, A. TSerkov', obshhestvo i нравstvennost' [Tekst] / A. Buzgalin // Politicheskij klass. – 2008. – № 8. – S. 51–65.
3. Viglyanskij, V. N. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov': itogi dvadtsatiletiya religioznoj svobody [Tekst] / V. N. Viglyanskij // Dvadtsat' let religioznoj svobody v Rossii. – M.: ROSSPEHN, 2009. – S. 31–69.
4. Dubov, I. G. Uroven' religioznosti i vliyanie religioznykh ustanovok na otnoshenie rossiyan k politicheskim lideram [Tekst] / I. G. Dubov // Polis. – 2001. – № 2. – S. 78–92.

5. Zorkal'tsev, V. I. Problema zakonodatel'nogo obe-specheniya gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij v svete sotsial'noj kontseptsii RPTS [Tekst] / V. I. Zorkal'tsev // TSerkov' i vremya. – 2001. – № 4. – S. 81–89.
6. Kantor, V. Modeli i konstanty kul'tury v russkoj istorii i sovremennosti (materialy konferentsii) [Tekst] / V. Kantor // Voprosy filosofii. – 2003. – № 7. – S. 3–22.
7. Klyuchevskij, V. O. Sochineniya : v 9 t. T. IKH. Materialy raznykh let [Tekst] / V. O. Klyuchevskij. – M.: Mysl', 1990. – 525 s.
8. Kuvaldin, S. V okrestnostyakh sekulyarnogo [Tekst] / S. Kuvaldin // EHkspert. – 2013. – № 1. – S. 28–34.
9. Mitrokhin, N. Russkaya pravoslavnaya tserkov': so-vremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy [Tekst] / N. Mitrokhin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 648 s.
10. Mozhegov, V. Pravoslavnaya tsivilizatsiya pod stalinskoj zvezdoj. Obzor publikatsij na religioznye temy [Tekst] / V. Mozhegov // Kontinent. – 2009. – № 141. – S. 292–338.
11. Mchedlov, M. P. Religiozny li molodye rossiyane? [Tekst] / M. P. Mchedlov // CHelovek. – 2005. – № 6. – S. 111–118.
12. Obeshhaem ne greshit'? [Tekst] // Argumenty i fakty. – 2011. – 16–22 noyabrya. – № 46. – S. 48.
13. Pavlov, I. Vera i perepis'. Tak skol'ko zhe pravoslavnnykh v Rossii [Tekst] / I. Pavlov // Itogi. 2001. – № 5. – S. 46–48.
14. Pejnova, Z. Religioznyj portret studenta [Tekst] / Z. Pejnova // Vyshee obrazovanie v Rossii. 1999. – № 5. – S. 109–115.
15. Ryabykh, YU. A. Politicheskie partii Rossii i Russkaya pravoslavnaya tserkov' [Tekst] / YU. A. Ryabykh // Politika. – 2004. – № 1. – S. 124–148.
16. Sinelina, YU. Religiya v sovremennom mire [Tekst] / YU. Sinelina // EHkspert. – 2013. – № 1. – S. 14–21.
17. Smirnov, M. YU. Sotsiologiya religii: Slovar' [Tekst] / M. YU. Smirnov. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2011. – 412 s.
18. Furman, D., Kaariajnen, K. Religioznaya stabili-zatsiya [Tekst] / D. Furman, K. Kaariajnen // Svobodnaya mysl' – KHKH. – 2003. – № 7. – S. 19–32.
19. «TSerkov' ne mozhet delat' vid, chto nichego ne proiskhodit» [Tekst] // Novaya gazeta. – 2011. – 29 iyulya. – S. 16.